

Научная статья
УДК 94(470.2):069.2
doi: 10.17223/2312461X/49/4

Низовые практики сохранения исторического наследия в 1980–1990-е гг. (кейс «Доброй воли», г. Тобольск)

Вера Павловна Ключева

*Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН,
Тюмень, Россия, vormpk@gmail.com*

Аннотация. Анализируется роль общественных инициатив и волонтерского движения в сохранении историко-культурного наследия города Тобольска в 1980–1990-х гг. На фоне модернизационных проектов происходит разрушение «старого Тобольска». Особое место в реставрационном и градозащитном процессе занимает клуб «Добрая воля». Деятельность клуба была связана с подготовкой к празднованию 400-летия Тобольска, что послужило стимулом для объединения усилий граждан и привлечения внимания к вопросам культурного наследия. Волонтеры участвовали в реставрационных работах и занимались просветительской деятельностью среди населения. Их деятельность способствовала формированию общественного сознания и развитию гражданской ответственности. Активизм «Доброй воли» способствовал сохранению уникальных историко-культурных ценностей Тобольска, появлению этой темы в публичном дискурсе и повышению интереса к историческому наследию города.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, локальные инициативы, волонтерское движение, реставрация, Тобольск, гражданский активизм

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

Для цитирования: Ключева В.П. Низовые практики сохранения исторического наследия в 1980–1990-е гг. (кейс «Доброй воли», г. Тобольск) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 3. С. 77–95. doi: 10.17223/2312461X/49/4

Original article
doi: 10.17223/2312461X/49/4

Grassroots Practices of Historical Heritage Preservation in the 1980s–1990s (the “Dobraya Volya” Case, Tobolsk)

Vera P. Klueva

*Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre SB RAS,
Tyumen, Russian Federation, vormpk@gmail.com*

Abstract. This article examines the role of public initiatives and volunteer movements in the preservation of Tobolsk’s historical and cultural heritage during the 1980s–

1990s. During this period, modernization projects led to the destruction of the “old Tobolsk”. The “Dobraya Volya” club played a crucial role in the restoration and urban protection efforts. Its activities were closely linked to the preparations for Tobolsk’s 400th anniversary, which became a driving force for mobilizing citizens and raising awareness about cultural heritage issues. Volunteers engaged in restoration projects and carried out educational outreach among residents. Their work helped shape public awareness and fostered civic responsibility. The activism of “Dobraya Volya” contributed significantly to the preservation of Tobolsk’s unique historical and cultural assets, brought the topic into public discussion, and heightened interest in the city’s heritage.

Keywords: historical and cultural heritage, local initiatives, volunteer movement, restoration, Tobolsk, civic activism

Acknowledgements: The research was carried out on the basis of the state assignment, project No. FWRZ-2021-0006.

For citation: Klueva, V.P. (2025) Grassroots Practices of Historical Heritage Preservation in the 1980s–1990s (the “Dobraya Volya” Case, Tobolsk). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 77–95 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/49/4

Введение

В течение XX в. Тобольск прошел через несколько этапов развития: от постепенной утраты статуса из-за переноса административного центра в Тюмень и своеобразной консервации старинного города до активного индустриального роста в 1970-е гг., вызванного строительством крупного нефтехимического комплекса. Казалось бы, советская и прежде всего послевоенная судьба Тобольска была похожа на другие исторические города Тюменской области: Сургут, Ханты-Мансийск, Салехард. Все они получили новый импульс развития с открытием Западно-сибирского нефтегазового комплекса. Однако между этими городами и Тобольском была существенная разница. Тобольск оставался городом с сохранившимся историческим обликом, значительная доля горожан состояла из тоболяков-старожилов, чьи предки также жили в Тобольске. Тогда как в старинных городах на севере Тюменской области каменной застройки XIX – начала XX в. было очень мало. Поэтически настроенные авторы спустя годы писали, что «город как бы законсервировался в своем прежнем обличье, и время не внесло капитальных поправок в его градостроительную среду. Поправки, конечно, были, но не такие существенные, чтобы изменить панораму былинного города, в которой так плотно сомкнулись история и поэзия» (Барабанова 1986: 19–20).

Для коренных тоболяков история города является одновременно источником и гордости, и боли. Значимость Тобольска в имперский период, особенно в первые столетия освоения Сибири, резко контрастирует с советской эпохой, когда город превратился в провинциальный центр без удобной транспортной инфраструктуры, соединяющей его с

другими городами страны, и с постепенно разрушающимися архитектурными памятниками. Неудивительно, что для горожан тема исторического наследия является латентным фоном любых городских практик: от коммунального благоустройства до миграционных настроений. Особенно ярко это проявилось в 1980–1990-е гг. Более того, можно говорить, что в тот период своеобразным тобольским «вайбом» стало чувство ре-сентимента, включавшее в себя не только обиду за несостоявшееся настоящее/будущее, но и гордость за прошлое¹. В 1990-е гг. мне неоднократно приходилось участвовать в разговорах, где упоминались «виртуальные потери» города: открытие первого сибирского университета в Томске, а не Тобольске; перенос административного центра в Тюмень в 1918 г.; появление железной дороги только во второй половине 1960-х гг. и пр. Одновременно с этим подчеркивалась историческая и культурная значимость Тобольска, сохранившего свою историческую планировку и архитектуру.

Идеализацию старого Тобольска прекрасно иллюстрируют слова журналиста и местного уроженца В. Тобоякова: «Город как бы замер во времени... И его подсознательно берегли жители! ...После войны он становится своеобразной “меккой” для художников, фотографов, кинематографистов, писателей, поэтов, искусствоведов, реставраторов и т.д. Они приезжали напиться видами городской жизни 19-го века ...Город, оставаясь вдалеке от политики, представлял собой в эти годы сказку. Душам людским было хорошо здесь, и они отдыхали от потрясений 19-го, начала 20-го веков. Да! Ностальгия тоболяков по этому периоду жизни – грандиозна...» (Тобояков, б.д.: 30).

В фокусе моей статьи будут низовые практики участия населения в сохранении исторического наследия в провинциальном городе на примере деятельности клуба «Добрая воля» в городе Тобольске. Клуб возник в 1986 г. после нескольких субботников по расчистке реставрационных объектов (Софийский собор, церковь Михаила Архангела, церковь Захария и Елизаветы и др.) и существует, в несколько измененной форме, до сих пор. Каким образом сложилось сообщество добровольцев, какие общие ценности и практики сформировали его? Вот вопросы, на которые мне бы хотелось найти ответ. В качестве основных источников я использую материалы устной истории и опубликованные воспоминания непосредственных участников событий в юбилейных сборниках. Мне удалось провести четыре нарративных интервью с членами клуба и бывшими сотрудниками Тобольского музея-заповедника, также дополнительно используются интервью, собранные Павлом Вялковым для магистерской диссертации². Интервью важны тем, что они показывают мотивацию участников «Доброй воли», их отношение к сохранению исторического наследия в городе, а также рассказывают о клубной повседневности. Самым информативным сборником, посвященным «Доброй

воле», стала книга «Богоспасаемый город» Галины Кондаковой (2016). Он был подготовлен к 30-летию клуба, и воспоминания самой Кондаковой дополняются газетными публикациями, воспоминаниями других «добровольцев», а также статьями Б. Эристов и В. Тоболякова.

В отличие от других, более известных общественных движений, где ядром и движущей силой выступала интеллигенция (например, эта тема была разобрана Е. Мельниковой (2023)), тобольское движение за сохранение исторического наследия отличалось большей разнородностью – среди его участников были люди разного уровня образования и разных профессий. В данном случае объединяющим началом стала локальная идентичность, сплотившая всех небезразличных к прошлому Тобольска. Об этом пишет в 1987 г. Борис Эристов: «Очень часто можно слышать: “Любить Родину”, “Любовь к Родине”. Конечно, любить что-то общее, неконкретное всегда проще. Для нас, жителей оваянного славой Тобольска, это чувство должно начинаться с уважения к истории своего города, с любви к его многочисленным памятникам. Чувство это явилось главным при создании клуба “Добрая воля”» (Эристов 2000: 136). На мой взгляд, движущим мотивом появления «Доброй воли» стало преодоление или превращение ресентимента в позитивный активизм.

Хотя клуб существует до сих пор, мне кажется, что наиболее интересный период его деятельности приходится на рубеж 1980–1990-х гг. – с момента основания и до начала-середины 1990-х гг. Во второй половине 1990-х гг. инициаторы и организаторы клуба – Борис Эристов (1995 г.) и Людмила Захарова (1998 г.) – умирают, и на какое-то время «добровольческая» активность сходит на нет. *«В этот период времени (имеются в виду 1990-е гг. – В.К.) с реставрационными работами была полная труба, потому что никому никакая реставрация стала не нужна ...Нельзя стало [добровольцам] работать на этих объектах. Сначала потому, что никто [из реставраторов] на них не работал, а потом, когда возможность начала появляться, уже нельзя было без каких-то лицензий, согласований, договоров и все такое прочее»* (Инт. 1).

Гибель старого города и/или вторая юность Тобольска: индустриальные преобразования 1970–1980-х гг.

Архитектор и популяризатор истории градостроения Сибири С.П. Заварихин так описывал панораму Тобольска: «Возникнув в очень удачном месте, Тобольск стал быстро расти. Своеобразная топография местности естественно привела к возникновению двух частей города – верхней и нижней. В верхнем городе, на Троицком мысу, появились укрепленная крепость и Софийский двор, позже объединенные в единый кремль – первый в Сибири... Одновременно в верхней и нижней частях города возводились церкви и гражданские здания... Классицистическая

перепланировка Тобольска во второй половине XVIII века, значительно скорректировав сеть улиц, тем не менее сохранила всю систему архитектурных доминант» (Заварихин 1987: 64–65). Панорама Тобольского кремля, если смотреть на него снизу вверх со стороны Базарной площади, сохранилась до настоящего времени. Борьба за ее сохранность велась весь позднесоветский период. Она же остается точкой напряжения до сих пор. *«Мы историческую панораму должны сохранить. И у нас идут войны периодически [до сих пор]... [Тобольск] единственный город, при подъезде к которому у нас в России, ты видишь, как он выглядел 300 лет тому назад»* (Инт. 1).

Впервые историческая ценность Тобольска была признана государством лишь в 1952 г.: тогда Центральные научно-реставрационными мастерскими провели предварительное обследование Тобольского кремля, и был разработан проект реставрации (Кочедамов 1963: 144). Реставрационными работами руководил московский архитектор и реставратор Ф.Г. Дубровин. В 1961 г. Совмин РСФСР принимает постановление о создании Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ) на базе архитектурного комплекса Тобольского кремля и Тобольского краеведческого музея (Распоряжение от 28 июля 1961 г. № 3679-р). В его состав были включены кремль, городской земляной вал XVII в, пять церквей (Крестовоздвиженская, Михаило-Архангельская, Спасская, Захарьевская, Петропавловская), а также памятник Ермаку и могилы декабристов. Это был первый и единственный сибирский историко-архитектурный музей-заповедник, наряду с Новгородским, Костромским, Владимиро-Суздальским (1958 г.) и Ярославско-Ростовским³ (1959 г.) (Шумилкин 2021: 91–92; Каулен 2012: 272–273).

Появление музея-заповедника не изменило внешний облик Тобольска. Случайные гости города обращали внимание на неухоженность и постепенно разрушающиеся памятники. В 1965 г. геолог Геннадий Кизилев, направляясь в Ханты-Мансийск, провел несколько часов в Тобольске и оставил в своем дневнике такую запись: «Перед видом Тобольского кремля устоять трудно... Архитектура кремля, его расположение на местности и сама местность понравились. Но сохранность кремля плохая: двор захламлен, каменные стены местами разрушены, стекла выбиты, полностью исчез каменный барьер вокруг памятника Ермаку. Красивые надгробные постройки из мрамора и архитектурные украшения ворот варварски разрушены невежественными и псевдопатриотическими представителями советской власти. Обломки архитектурных украшений валяются под ногами... Колорит архитектуры города Тобольска, кроме кремля, составляют шпили церквей и соборов и старинные каменные здания. Благоустройство города слабое, но место красивое» (Кизилев, б.д). Да и журналистка, в восторженных тонах описывавшая город, констатировала, что «было бы ханжеством не замечать, что

былинный город, как правило, неблагоустроенный, что архитектурный миф, так пленяющий наше воображение на открытках... не всегда восхищает проживающих в нем жителей» (Барабанова 1986: 20).

Казалось, бы будущее Тобольска после признания исторической ценности архитектурного наследия города могло быть связано с музеефикацией и разработкой туристических маршрутов. Именно об этом писал академик А.П. Окладников в статье «Приобщение к прошлому» (1968: 5), рассуждая о возможных путях развития древней столицы Сибири. Но уже в середине 1960-х гг. Тобольск рассматривался как потенциальная площадка для нефтехимического комплекса. Этому способствовало несколько факторов: удобное месторасположение рядом с источниками сырья, транспортная доступность, наличие энергетических ресурсов и свободное место для строительства нового промышленного района. Соответственно, к началу 1970-х гг. четко обозначилось две перспективы развития города: индустриальная модернизация и консервация исторического облика.

Решение о строительстве Тобольского нефтехимического комбината было принято в 1972 г., стройка началась в 1974 г. (Стройка, ставшая судьбой... 2004). О масштабах строительства можно судить по прогнозам роста численности населения: более чем в пять раз к концу 1990-х гг. Появление Нефтехима в общественном дискурсе преподносилось как новое рождение города, его «вторая юность» (Юности города взлет 1975: 3). Коренная тоболячка Елена Федорова, окончившая школу в 1982 г., вспоминала, что еще в начале 1980-х гг. *«нас на выпускном бале садили в автобус и везли на нефтехимкомбинат. Я как сейчас помню, говорили, что вот оно – счастье города»* (выделено мною. – В.К.)» (Инт. 2). Об этом же писал, но уже с негативными коннотациями, Валентин Распутин в очерке «Тобольск» (1987 г.): «Тобольск возрос в последнее время с открытием тюменской нефти, с проведением железной дороги и строительством под боком нефтехимического комбината. Комбинат... стоит теперь независимо и гордо: вот я каков, молодец! У меня сила, власть, молодость, деньги, со мной не поспоришь!» (Распутин 2000: 50). Для значительной части горожан новое промышленное производство, которое влекло за собой изменение социальной инфраструктуры, было как минимум возможностью изменить свои жилищные условия – переехать в благоустроенное жилье. *«Местные жители, те, кто жил в этих исторических памятниках, предлагали все разрушить и переехать на гору. Они были согласны [на переезд], и поэтому пал [т.е. пожар] конца XX века, когда горели [дома], местные жители, нет-нет, наверное, прикладывали руку, по крайней мере, не тушили, потому что знали, что им предоставят благоустроенное жилье на горе»* (Инт. 3).

По генплану, разработанному Ленгипрогором к 1974 г., вся новая застройка города должна была вестись в верхней (нагорной) части города,

тогда как подгорная часть «старого Тобольска» оставалась периферией. Одновременно с генпланом был разработан проект зон охраны памятников истории и культуры Тобольска (Туманик, Туманик 2019: 311). В 1970 г. Тобольск был включен в список исторических городов, на территории которых располагались архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры (Об утверждении нового списка... 1990). Авторы путеводителя по Тобольску 1974 г. рисовали радужные перспективы строящегося города. «Генеральный план, рассчитанный до 2000 г., предусматривает сохранить для потомков все исторические памятники Тобольска и одновременно придать ему облик коммунистического города. Все памятные места будут реставрированы и выделены в неприкосновенные охранные зоны» (Копылов, Прибыльский 1974: 215).

В 1974 г. был объявлен закрытый всесоюзный конкурс для планировки и застройки Тобольска, на котором победил проект ЦНИИП градостроительства (г. Москва). Участник конкурса Г.Н. Туманик (главный архитектор Новосибиргражданпроект) позднее писал, что обоснованная в генплане удаленность новых городских районов была необходима для сохранения исторического центра. В то же время такой подход оказался губительным для старого города, так как все ресурсы и внимание были сосредоточены на новой стройке. Соответственно «ускорились темпы старения старого города, физической деградации исторически сложившейся городской среды Тобольска. Поистине – “спасение во имя гибели”» (Туманик, Туманик 2019: 311). Неудовлетворительное состояние памятников истории и нарушение охранных зон даже обсуждалось на заседании Совмина РСФСР в 1976 г. (Строительство нового города... 1976: 2).

К 1980-м гг. историческая часть Тобольска пришла в состояние упадка. Проблемы заключались не только в массовом строительстве, частично затрагивавшем и территорию охранных зон, но и в том, что нижняя, подгорная часть, почти полностью деревянная, оказалась на грани уничтожения из-за поджогов, весенних паводков, отсутствия реставрационных и консервационных работ, а также сформировавшегося негативного восприятия этого района как опасного и некомфортного для жизни: *«Почти весь город жил под горой. [Именно там была] историческая часть, здесь [на горе] только две улицы было. Весь город, вся инфраструктура была подгорной частью... [Дома] были все в симпатичном виде, они все ремонтировались, содержались в хорошем состоянии, но только вот туалет, туалета, ванн не было внутри. Поэтому, когда началась стройка и строительство микрорайонов, конечно, все захотели в хороших, нормальных условиях жить»* (Инт. 2).

У приезжих впечатления от города тоже были противоречивые – от восхищения ландшафтными видами на кремль до печали и удивления от

запустения и разрушений подгорной части города. В общественном пространстве сосуществовали противоречивые взгляды на будущее города: нужно ли сохранять «старый Тобольск»⁴, искать консенсус или поддерживать исключительно новое строительство. Уникальная двучастная планировка Тобольска, разделившая его на подгорную и нагорную части, оказалась для исторической застройки одновременно спасением и большой проблемой. У города была возможность расти и расширяться без уничтожения старинной застройки Тобольска, что и способствовало его сохранению. Вместе с тем поддержка реставрационных работ велась по остаточному принципу, так как первоочередной заботой городских властей было именно индустриальное развитие города и расселение в благоустроенном жилье приезжих – строителей и работников Нефтехима.

**«Мы отвечали за наследие как за свое личное»:
общественный дискурс сохранения старого Тобольска**

В феврале 1986 г. группа энтузиастов обратилась к тоболякам: «Все, кому дорог родной город, на помощь реставраторам». Пришедшие на субботник по расчистке Софийско-Успенского собора и стали основой для клуба «Добрая воля» (Эристов 2000: 136–137; Кондакова 2016: 15–17). Это не был спонтанный активизм тобольских волонтеров-реставраторов. Идея создания краеведческого общества обсуждалась уже в 1970-е гг. Кроме того, как минимум с начала 1970-х гг. в Тобольске шла постоянная дискуссия о необходимости модернизации для успешного развития города и возможности сосуществования новых индустриальных элементов и архитектурных памятников. Ранее в городе уже был прецедент строительства типового здания рядом с кремлем. На Троицком мысу со стороны реки было построено общежитие для рыбопромышленного техникума. А в конце 1960-х гг. рядом с кремлем предполагалось поставить телевышку. Но в результате «целой кампании в прессе, и местной, и столичной, против опасного соседства» конфликт благополучно разрешился: вышку поставили на Панином бугре, а панорама Тобольского кремля осталась неизменной (Барабанова 1986: 20–21). При этом неприкосновенность выделенных охранных зон не соблюдалась. Около Петропавловской церкви была построена гостиница Тобол (строительство завершено в 1978 г.), а в охранный зоне Захарьевской церкви размещены временные торговые павильоны (Строительство нового города... 1976: 2).

В середине 1970-х гг. был разработан перспективный план реставрации памятников истории и культуры, но работы велись очень медленно. Во многом из-за того, что тобольская реставрационная мастерская, со-

зданная в 1971 г., фактически стала выполнять ремонтные работы по заказу города, она «превратилась в ремстройучасток – красят фасады домов, ведут ремонт зданий, к архитектурным памятникам отношения, не имеющим» (Иванов 1982: 3). Позднее сложившуюся ситуацию эмоционально описывал В. Тоболяков: «Деньги поступали. Реставрационные мастерские возводили вокруг них строительные леса. Потом выходила какая-то “техническая” заминка. И реставрация останавливалась. Строительные леса вокруг памятников за несколько лет сгнивали. Их разбирали, и все повторялось заново... Это продолжалось до тех пор, пока не грянул юбилей города, и не встрепенулись поверившие в “перестройку” энтузиасты клуба “Добрая воля”, во главе с Л.Н. Захаровой» (Тоболяков, б.д.: 66–67).

Активная фаза борьбы за сохранение облика и исторического наследия Тобольска началась в 1980-е гг. Знаковым событием, послужившим катализатором для роста интереса к истории города, стало 400-летие Тобольска, празднование которого состоялось летом 1987 г. Свою роль в этом сыграла и местная газета «Тобольская правда», которая открыла рубрику «К 400-летию Тобольска», где публиковались статьи, посвященные истории города и Сибири⁵. Публикации были интересны не только коренным тоболякам. Популяризация исторического наследия способствовала тому, что среди активистов, занимавшихся реставрационными работами, было много приезжих, и в том числе работников Нефтехима.

Дискуссия о состоянии исторической (подгорной) части города и важности реставрации памятников архитектуры также была введена в публичный оборот на страницах городской газеты. Большую статью о запущенном состоянии города написал корреспондент «Труда» В. Иванов, что легитимировало дискуссию для руководства города и придало особую значимость в глазах тоболяков. Статья «Старый город и новый комбинат» была перепечатана в Тобольской правде в апреле 1982 г. (Иванов 1982: 3) После публикации активизировалась деятельность городского отделения ВООПИК, который существовал в Тобольске с 1968 г. На отчетном собрании в январе 1983 г. кроме хвалебных речей о проделанной работе было заявлено об отсутствии интереса к деятельности общества со стороны крупных предприятий и плохой работе реставрационных мастерских (Вялков 2025: 47). В поддержку реставраторов и результатов их работы выступал Б. Эристов, сотрудник музея и активный популяризатор тобольской истории. В качестве аргумента он озвучил проблему нехватки рабочих рук для неквалифицированной работы. Именно такой подсобной работой занялись энтузиасты-добровольцы.

Б. Гладарев, анализируя возникновение движения защитников наследия в Ленинграде, в качестве основных факторов мобилизации называет

сформировавшуюся среду энтузиастов-краеведов, недовольство программой капитального ремонта и государственный курс на общеполитическую либерализацию (2011: 106). Эти факторы можно распространить и на Тобольск, только вместо программы капитального ремонта здесь нужно говорить о программе реставрационных работ. Спецификой тобольской краеведческой среды был активизм как коренных тоболяков, так и приезжих, переживающих за сохранность исторического города. Но в отличие от реставрационных работ на Соловках или в Кирилло-Белозерском монастыре, куда волонтеры специально приезжали на сезон или длительное время, тобольские энтузиасты могли помогать реставраторам в основном в выходные дни.

К тому же общественная ситуация середины 1980-х гг. способствовала появлению разнообразного активизма, в том числе и направленного на сохранение исторического наследия. С одной стороны, сохранение культурных объектов было достаточно нейтральной и неполитизированной сферой как минимум до первой половины 1990-х гг., когда начался процесс возвращения церковного имущества Тобольско-Тюменской епархии, с другой – это был способ влияния на городскую политику, реализации собственного «права на город». Один из старейших участников «Доброй воли» попытался объяснить мне, почему «добровольческие» субботники оказались популярными: *«...кто-то в кооперативы шел, а кто-то шел что-то сделать для города, как общественник, для страны... Люди, которые пошли в “Добрую волю”, видели прежде всего все плюсы [происходящего], как люди, которые могут внести свою лепту небольшую, побольше, совсем маленькую, в сохранение [исторического] наследия. Вот эта вера в Россию, в белую Россию поручика Голицына, это все увязывалось с храмами, с [Тобольским] кремлем, просто с [архитектурными] памятниками»* (Инт. 1).

Аполитичность или внеполитичность «Доброй воли» в первые годы ее существования упоминается всеми сопричастными к ее деятельности: «В то время была мода на неформальные объединения самого различного толка, в том числе и на политически ориентированные. А в «Доброй воле» никакой особой политики не было. Было добровольное стремление части горожан возродить былую славу Тобольска» (Полищук 2005: 219).

Но аполитичность была мнимой⁶. Своей главной задачей «Добрая воля» заявляла «защиту тобольской старины и пропаганду древнего города», а также практическую помощь реставраторам (Кондакова 2016: 20). И добивалась этих целей в том числе через политическую мобилизацию общества. Так, в июле 1988 г. по инициативе добровольцев был организован митинг в защиту нижнего города (т.е. подгорной части Тобольска). Это был «первый, возможно, со времен революции митинг в Тобольске, инициированный не “сверху”, а “низами”, власти города не

на шутку переполошились» (Полищук 2005: 219). Причиной для митинга стала бездеятельность городских властей после завершения реставрации церкви Михаила Архангела. Реставрация прошла успешно, но из-за отсутствия дренажной системы здание отсырело и его пришлось ремонтировать заново. Кроме этого, митингующие обсуждали другие проблемы, прежде всего постепенно пустующую территорию, которая становилась противоположностью благоустроенной нагорной части. Результатом митинга стало выездное заседание горисполкома. В целом митинг стал возможностью обозначить проблемы, но не решить их. Но такие события были редкостью, политические высказывания в клубе не были распространены. Более того, среди организаторов тобольского «Народного фронта» были бывшие добровольцы, которые вышли из клуба, признав, что не могут совмещать волонтерскую и политическую активности: «поняли: все усилия “Доброй воли” могут быть сведены к нулю злой волей конкретных должностных лиц, и сегодня (в сентябре 1989 г. – В.К.) гораздо важнее открыто заявить об этом» (Кондакова 2016: 71).

Мобилизация на охрану древней столицы Сибири: публичные практики «Доброй воли»

1 февраля 1986 г. прошел первый субботник по расчистке Софийско-Успенского собора и рентерей. Его инициаторами стали сотрудник музея Борис Эристов и инженер-строитель, внештатный инспектор ВОООПИК Людмила Захарова. Захарова объясняла свою инициативу эмоциональной привязанностью к городу: «Несколько лет подряд минимум четыре раза в день я проходила мимо Захарьевской церкви. И как-то незаметно для себя пленилась совершенством и красотой ее форм, которые не могло скрыть даже разрушительное влияние людского равнодушия. Тут еще приближалось 400-летие Тобольска... была уверенность: народ к юбилею безразличен. Но было и понимание: требуется инициатива, нужны деятельностные люди» (Кондакова 2016: 13).

В течение года субботники проводились регулярно каждую неделю. В них принимали участие 25-50 человек. Сложилась практика, когда на субботники приходили школьники вместе с учителями и студенты с преподавателями. По подсчетам Захаровой, за полгода (к августу 1986 г.) прошло 28 субботников, в них участвовали более 200 человек. Работа была малоквалифицированная, в основном очистка строительной площадки от мусора. Но встречались и более интересные дела. Один из участников вспоминает, что в феврале 1987 г. добровольцы занимались расчисткой подземного хода от Консistorии в сторону гостиничного двора (Инт. 1). Согласно сохранившимся записям, в 1980-е гг. волонтеры работали на 20 объектах, среди которых Софийско-Успенский собор,

церковь Михаила Архангела и церковь Захария и Елизаветы; Мемориальное Завальное кладбище, дома Фонвизина и Ершова; Гостиный двор; отдельные корпуса Тюремного замка и пр. (Тоболяков б.д.: 46).

С первых встреч стала формироваться организационная структура. Был зарегистрирован устав клуба «Добрая воля», в котором обозначены задачи: 1) собственным трудом приблизить день восстановления запovedного Тобольска; 2) создать общественное мнение в стране об общенациональной ценности архитектурного и исторического центра Сибири; 3) добиться постановления правительства о восстановлении запovedного Тобольска и его окрестностей и создании на этой базе туристического центра (Захарова 1988: 102).

Романтический стиль уставных задач хорошо передает общее настроение волонтеров-реставраторов. Владимир Мергенев, один из первых участников, так описывал своих соclubников: «В “Доброй воле” был совсем другой народ, люди другие. Те, кто бескорыстно может работать. Чокнутые маленько. “Работаем в удовольствие” – их слова. С этими людьми было не страшно, они были духовно другие, не от мира сего, надежные, не отдадут, не продадут» (Тоболяков б.д.: 45). Об этом же писала и сама Людмила Захарова: «произошло удивительное, сложился уникальный коллектив, как мы теперь говорим, “кусочек доброты”... Люди в таком сообществе обрели крылья, которые одиночкам часто подрезают» (Захарова 1988: 102). И люди со стороны, нерегулярные участники субботников, замечали дружескую атмосферу в клубе: *«Мне нравилось то, что там учета не велось, т.е. [не отмечали] по спискам все пришли или нет. Пришли, поработали, кто-то полчаса, кто-то час, никто никого не упрекал... Не было обязательки, люди шли ради общения, [собирались] единомышленники»* (Инт. 3).

Возникновение названия «Добрая воля» также связано с романтическими представлениями о добровольности работы. Позднее Захарова констатировала, что клуб попал в ловушку собственного названия – предполагалась добровольность, но не обязательность участия в деятельности клуба.

Постепенно деятельность клуба стала обрастать традициями. С первых встреч участники вели хронику своей деятельности, тем более что среди них были профессиональные художники и фотографы. «Л.Н. Захарова сказала мне: “Ты рисуй, а мы за тебя лопатой и ломиком поработаем”. Вообще специалистов освобождали от черной работы. Так, фотографам А. Мартынову и В. Ветцелю потом говорил М. Тимергазеев: “Ваше дело снимать. Чтобы это осталось в истории, а мы уж за вас лопатой-то помашем”» (Тоболяков б.д.: 45). Своеобразным маркированием пространства и способом заявить о себе стал фотостенд с информацией о клубе, размещенный в стеклянной витрине «Трансагенства», рядом с Кремлем.

Важным элементом формирования сообщества была раздача памятных значков с Коньком-горбунком (автор рисунка Вл. Мergenев). Их стали вручать начиная с третьего субботника. Через некоторое время значок стали получать только после участия в пяти субботниках.

Кроме реставрационной работы, члены клуба быстро перешли к совместному досугу. *«А настоящие добровольцы, для них это было очень важно. И я понимаю, что это на самом деле точно так же спланировало их и двигало вперед, как и сама работа»* (Инт. 1). Этому способствовал тот факт, что летом 1986 г. руководство музея передало в пользование восточную квадратную башню кремля (Кондакова 2016: 48). Добровольцы сделали там ремонт, и квадратная башня стала местом притяжения волонтеров и тех, кто с ними соприкасался. *«Там было место встреч для всех неравнодушных ...когда есть место общения людей, у нас [там был] мозговой центр, [мы] намечали, что делать, как делать. И вот не просто были субботники, но и свободное время тоже вместе проводили»* (Инт. 2). Наиболее распространенной формой досуга стали совместные чаепития: *«Каждый нес на них что мог: пряники, баранки, всевозможные выпечки, варенья. Заваривался чай, все рассаживались за общим длинным столом... Постепенно стихийное поначалу общение тематизировалось, разговор сводился к одному какому-либо вопросу: привлечение молодежи к работе в клубе, отношения его членов с местным духовенством, предстоящие знаменательные даты и т.п. Нередко на чаепития приглашались известные люди»* (Полищук 2005: 222). Сохранились рассказы о совместных празднованиях нового года, дней рождений, и годовщин основания клуба.

В конце 1980-х гг. клуб стал местом притяжения гостей, связанных с историей города. Знаковым событием для всех участников был приезд Ордовских-Танаевских, внука и правнука последнего тобольского губернатора. *«Например, Распутин приезжал несколько раз, но я ни разу его не видел. Жалею сейчас о том. Я его считал приличным писателем и неплохо было бы [пообщаться]... Или, например, вот Ордовские-Танаевские тоже приезжали»* (Инт. 1). Валентин Распутин бывал в Тобольске несколько раз. Первый раз он приехал в 1987 г. по приглашению клуба, после чего написал очерк «Тобольск», где в том числе рассказал о деятельности «Доброй воли» (Распутин 2000: 59–60).

Самым ярким периодом в жизни клуба было время до начала 1990-х гг. Как раз в этот период Людмила Захарова стала председателем городского ВООПИКа. И от городского ВООПИКа она баллотировалась в депутаты Верховного Совета РСФСР (март 1990 г.), но выборы проиграла. Тогда же сменила профессию Галина Кондакова, активистка клуба. Ее приняли на работу в ТГИАМЗ инженером по охране памятников, а затем инженером по охране памятников истории и культуры Тобольского

городского отдела культуры (Кондакова 2016: 206–207). За время своей работы она сумела поставить на учет 178 памятников.

Из активных действий клуба, кроме реставрационных работ, можно упомянуть также запрет на строительство гаражей в Аптекарском саду и ликвидацию катка около Гостиного двора Тобольского Кремля.

После этого, хотя не обязательно вследствие этого, клуб переключился на градозащитную деятельность, *«...стал как бы ВООПИть, от слова ВООПИК. И пошли всякие публикации, обсуждения, т.е. была такая словесная деятельность и страдания по поводу того, сколько памятников деревянного зодчества поставили на охрану... А они стали потом чуть ли не десятками исчезать. Кто-то специально поджигал. А до этого еще театр “Теремок” сгорел. И это тоже морально всех подавило»* (Инт. 1). Также на активность добровольцев повлияла деятельность Тобольско-Тюменской епархии, которая в ноябре 1990 г. предъявила права на объекты Тобольского Кремля. И одним из первых действий митрополита Димитрия (Капалина) стало изгнание «Доброй воли» из квадратной башни. По рассказу очевидца и участника событий, это подкосило единство сообщества; высказывались мнения, одобряющие действия РПЦ, и противники этого. Тем более что в дальнейшем переданные храмы, в том числе те, что были подготовлены к реставрации при помощи волонтеров, оказались в аварийном состоянии.

Заключение

В 1990-е гг. клуб находился в состоянии застоя, люди продолжали встречаться, устраивать мероприятия, но резонансных событий не происходило. Активность участников была перенаправлена на просветительскую деятельность. Клуб становится местом встреч для разнообразных гостей Тобольска, и прежде всего тех, кто связывает себя с прошлым Тобольска.

Есть мнение, что клуб не стал общегородским явлением (Полищук 1987: 3). Это мнение В.И. Полищука поддерживает и один из моих собеседников (Инт. 1). Мне сложно с этим согласиться. Публичные практики «Доброй воли» – субботники, митинги, собрания и активное участие в мероприятиях на всесоюзном/всероссийском уровнях – вывели тему исторического наследия в публичное пространство, позволив горожанам заявить свое право на город. Деятельность «Доброй воли» оказала влияние на траекторию развития города через волонтерский активизм. При этом активизм не перерос в политические действия. Митинг в защиту церкви Михаила Архангела остался разовым событием. В своих выступлениях добровольцы не выдвигали политические требования, они фокусировались исключительно на вопросах сохранения наследия и популя-

ризации истории города. Даже свое избрание депутатом городского совета Л. Захарова воспринимала как способ популяризации туризма и привлечения внимания к историческому наследию (Кондакова 2016: 14), а не решения политических вопросов. Наиболее активные действия пришлись на период перестройки, а сплочение произошло вокруг общегородского события – 400-летия Тобольска (1987 г.).

При изменении общественно-политической ситуации начинается поиск иных стратегий (с отказом от волонтерской деятельности): переход к точечным акциям – письмам в защиту памятников архитектуры и коммуникациям с органами власти. В этот период у активистов-добровольцев и городских властей совпадают задачи. Председателем горисполкома в 1986 г. был назначен Аркадий Елфимов, который тоже высоко ценил историческое наследие Тобольска. Елфимов и Захарова вместе участвуют во Всесоюзном совещании по охране, реставрации и использованию памятников истории, культуры и архитектуры в мае 1988 г.

К началу 1990-х гг. тема спасения старого Тобольска вышла на первый план. Для решения этой проблемы впервые в бюджете города на 1990 г. заложены средства на реставрацию памятников архитектуры – 1 100 тыс. руб. (Вялков 2025: 84). А в начале 1990 г. принято постановление Совета министров РСФСР № 5 от 03.01.1990 «О мерах по реконструкции, реставрации памятников истории и культуры и комплексному развитию городского хозяйства г. Тобольска» (Постановление № 5). Инициатива принятия постановления принадлежит «Доброй воле».

В целом для жителей Тобольска клуб оказался своеобразной точкой сборки горожан разных поколений, так как в субботниках участвовали не только отдельные взрослые, но и семьи, школьные классы и студенческие группы. И таким образом закладывалась нормативность заботы об историческом наследии города. Можно утверждать, что работа клуба способствовала и формированию локальной идентичности, объединившей коренных горожан и приезжих. Это мы видим даже на примере создателей «Доброй воли»: Борис Эрстов был тоболяком в третьем поколении, а Людмила Захарова приехала из Омска. Еще одним следствием деятельности клуба становится складывание и поддержание градозащитных и других городских практик. Новый виток активности клуба и его членов начинается с 2010-х гг. Например, с 2013 г. по инициативе одного из членов клуба проходит «День [спасения] кита»⁷. В этот день/дни (сначала только 27 апреля, сейчас с 13 апреля по 9 мая) желающие могут поучаствовать в сборе мусора на берегу Иртыша. Затем, с 2021 г. тоболяки присоединяются к общероссийскому движению «ТомСойерФест». Современные члены «Доброй воли» занимаются популяризацией краеведения, собирая истории деревянных домов города (проект «Невыдуманные истории тобольских дворишков») и проводя краеведческий лекторий (возобновлен в 2016 г.).

Таким образом, амбивалентное отношение к развитию города Тобольска в конце 1970-х гг. привело к актуализации патриотизма и возрастанию ресентимента в отношении индустриальной модернизации города, что отразилось в появлении общественных инициатив в деле сохранения историко-культурного наследия города Тобольска в 1980–1990-х гг. Основной результат деятельности волонтеров заключается в опыте мобилизации горожан – как старожилов Тобольска, так и приезжих, укреплении локальной идентичности, обращении к общим разделяемым ценностям (любовь к городу, гордость за его прошлое, чувство коллективизма, понимание своей роли в истории и пр.), в совместной практической деятельности в целях сохранения исторического облика города, а главное – это сохранение уникальных объектов культурного наследия. Современное поколение тобольских активистов определяет добровольцев как *«людей, которые образуют какой-то вихрь... когда нужно действительно защитить, спасти какой-то памятник архитектуры, когда нужно пресечь какую-то идиотскую, допустим, идею создания чего-то, которое в итоге уничтожит что-то»* (Инт. 4)⁸. И более того, считают их хранителями города. На мой взгляд, это точная характеристика людей, которые уже 40 лет, не жалея сил и времени, занимаются спасением «старого Тобольска».

Список сокращений

ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры; Ленгипрогор – Ленинградский государственный институт проектирования городов; НХК – Тобольский нефтехимический комбинат; ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

Список интервью

Инт. 1. – муж., член клуба «Добрая воля» с 1987 г.

Инт. 2. – групповое интервью, в котором участвовали жительницы Тобольска, современные активистки «Доброй воли».

Инт. 3. – жен., бывший сотрудник ТГИАМЗ, не была членом «Доброй воли», но участвовала в «добровольских» акциях.

Инт. 4. – Трофимова И.Н., тобольская активистка, руководитель литературно-музыкальных клубов и вечеров. Записано М. Лурье, П. Куприяновым, Е. Мельниковой 14.07.2021 в г. Тобольске (Материалы проекта при поддержке фонда Потанина, СГМ-59/19).

Примечания

¹ Чаще всего ресентимент используется психологами или политологами (Salmela, Capelos 2021; Demertzis 2020), в том числе при обращении к проблемам коммеморации (см. проект International Research Cluster: Ressentiment and Change Potential in Europe – RECHANGE // <https://psychologie.sfu.ac.at/en/research/research-cluster-rechange/>). Попытка приложить концепт ресентимента к городскому дискурсу была сделана в магистерской диссертации П. Вялкова ««Спасти старый Тобольск»: ресентимент в городском дискурсе бывшей сибирской столицы (вторая половина 1970-х – 1990-е гг.)» (ТюмГУ, 2025).

² Я благодарю П. Вялкова, поделившегося со мной своими наработками.

³ Музей-заповедник в Ростове до 1969 г. назывался Ярослав-Ростовский (ростовский

филиал), а с 1969 по 1991 г. – Ростово-Ярославский музей-заповедник.

⁴ Понятие «старый Тобольск» было и остается широко распространенным в дискурсе исторического наследия, противопоставляясь «новому городу», существование которого связывается с деятельностью Нефтехимкомбината.

⁵ По подсчетам П. Вялкова, исторические публикации печатались почти каждую неделю (два-три раза в месяц), всего было опубликовано 304 статьи (2025: 40–41).

⁶ Ситуация развивалась в соответствии с наблюдением В. Донован (Donovan V.) о том, что после снятия ограничений на публичные дискуссии общественники – защитники наследия стали осознавать свой политический потенциал и использовать его (2013: 32).

⁷ Днем кита эта акция была названа достаточно спонтанно, ее организатор рассказал журналистам, что «мусор уходит в Иртыш, Обь, Обскую губу, Карское море и Ледовитый океан. И [потом распространяется] по всему мировому океану. Киты это все едят, сходят с ума, выбрасываются на берег. И вот мы спасаем этого кита. А мы должны китов беречь, потому что Тобольск стоит на ките (здесь отсылка к знаменитой ершовской «чудо-юдо рыбе-киту». – В.К.). Всякую хрень, что называется, начал им [корреспондентам] нести» (Инт. 1).

⁸ Интервью И. Трофимовой со мной поделилась Е. Мельникова, за что ей большое спасибо.

Список источников

- Барабанова Л. Этюды о заповедном городе. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1986.
- Вялков П. «Спасти старый Тобольск»: ресентимент в городском дискурсе бывшей сибирской столицы (вторая половина 1970-х – 1990-е гг.): магистерская диссертация. ТюмГУ, Институт гуманитарных наук, научный руководитель И.Н. Стась. Тюмень, 2025.
- Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 70–304.
- Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. М.: Искусство, 1987.
- Захарова Л.Н. «Добрая воля» Тобольска // Памятники Отечества. 1988. № 2. С. 101–102.
- Иванов В. Старый город и новый комбинат. Древний Тобольск нуждается в реконструкции // Тобольская правда. 1982. № 84. С. 3.
- Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012.
- Кизилов Г.И. Тюменская экспедиция – 1965. URL: https://samlib.ru/k/kizilow_g_i/ekspedicijajitzjumeninasewernyjural-1965.shtml?ysclid=mbkpcfxm7g916755182
- Кондакова Г. Богоспасаемый город. Тобольск: Полиграфист, 2016.
- Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1974.
- Кочедамов В.И. Тобольск: (Как рос и строился город). Тюмень: Кн. изд-во, 1963.
- Мельникова Е.А. Интеллигенция как событие: валаамское наследие и его хранители в позднем СССР // Ab Imperio. 2023. № 1. С. 181–221. doi: 10.1353/imp.2023.0013
- Об утверждении нового списка исторических населенных мест РСФСР. Постановление коллегии Министерства культуры РСФСР от 19 февраля 1990 г. № 12, коллегии Госстроя РСФСР от 28 февраля 1990 г. № 3 и президиума Центрального совета ВООПИК от 16 февраля 1990 г. № 12 (162). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102101396&page=1&rdk=0&ysclid=mbnmyd6beu971137179#10
- Окладников А.П. Приобщение к прошлому // Неделя. 1968. 17 марта. С. 5.
- Полищук В. «Добрая воля» города, 1987. № 77. С. 3.
- Полищук В.И. Добрая «Добрая воля» // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Вып. 7. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2005. С. 219–222.
- Постановление Совета Министров РСФСР № 5 от 03.01.1990 «О мерах по реконструкции, реставрации памятников истории и культуры и комплексному развитию городского хозяйства г. Тобольска». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=4050-0&req=doc&base=ESU&n=28450&rnd=sWIXrQ#K5YBlqUiHsT0xP001>

- Распоряжение от 28 июля 1961 г. № 3679-р. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6076#BFz0knUExoAOYh281>
- Распутин В.Г. Тобольск // Сибирь, Сибирь... Иркутск: Артиздат, 2000. С. 35–62.
- Строительство нового города – дело всех тоболяков // Тобольская правда, 1976. № 116. С. 2.
- Стройка, ставшая судьбой. 30-летию начала строительства Тобольского нефтехимического комплекса посвящается / авт-сост. В. Горохов. Тобольск: Баско, 2004.
- Тоболяков В. Письма тоболякам [рукопись], б.д. URL: http://www.kulturatob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=484:2014-03-13-06-28-20&catid=19:2013-02-09-04-52-53
- Туманик А.Г., Туманик Г.Н. Поиск концепции градостроительного развития древней сибирской столицы (Тобольск) // Баландинские чтения. 2019. Т. XIV. С. 310–320. doi: 10.24411/9999-001A-2019-10097
- Шумилкин А.С. Концепция реставрации архитектурного наследия в России XX – начала XXI вв. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. архитектурно-строительного ун-та, 2021.
- Эристов Б.О. «Добрая воля» глазами доброй воли // Недопетая песня. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2000. С. 136–138.
- Юности города взлет // Тобольская правда. 1975. № 87. С. 3.
- Demertzis N. The Political Sociology of Emotions. Essays on Trauma and Ressentiment. London: Routledge, 2020.
- Donovan V. The 'Old New Russian Town': Modernization and Architectural Preservation in Russia's Historic North West, 1961–1982 // Slavonica. 2013. № 19 (1). P. 18–35. doi: 10.1179/1361742713Z.00000000013
- Salmela M., Capelos T. Ressentiment: A Complex Emotion or an Emotional Mechanism of Psychic Defences? // Politics and Governance. 2021. № 9 (3). P. 191–203.

References

- Barabanova, L. (1986) *Etjudy o zapovednom gorode* [Essays about the protected city]. Sverdlovsk: Sredneuralskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Demertzis, N. (2020) *The political sociology of emotions: essays on trauma and resentment*. London: Routledge.
- Donovan, V. (2013) The old-new Russian town: modernization and architectural preservation in Russia's historic northwest, 1961–1982. *Slavonica*, 19(1), 18–35. <https://doi.org/10.1179/1361742713Z.00000000013>
- Eristov, B.O. (2000) “Dobraia volia” glázami dobryei voli [“Good will” seen through the eyes of good will]. *Nedopetaya pesnya*. Ekaterinburg: Ural'skii rabochii, pp. 136–138.
- Gladirev, B. (2011) Istoriko-kul'turnoye nasledie Peterburga: rozhdenie obshchestvennosti iz dukha goroda [Cultural heritage of St. Petersburg: birth of civil society from the spirit of the city]. In E. Leontiev et al. (Eds.), *Ot obshchestvennogo k publichnomu*. Saint Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, pp. 70–304.
- Ivanov, V. (1982, April) Staryi gorod i novyi kombinat. Drevnii Tobolsk nuzhdaetsia v rekonsitsiitsii [Old city and new combine. Ancient Tobolsk needs reconstruction]. *Tobolskaia pravda*, 84, p. 3.
- Kaulen, M.E. (2012) *Muzeifikatsiia istoriko-kul'turnogo nasledii Rossii* [Museumification of historical-cultural heritage of Russia]. Moscow: Eterna.
- Kochedamov, V.I. (1963) *Tobolsk: Kak ros i stroilsia gorod* [Tobolsk: how it grew and was built]. Tyumen: Knizhnoe izdatel'stvo.
- Kondakova, G. (2016) *Bogospasaemyi gorod* [God-saved city]. Tobolsk: Poligrafist.
- Kopylov, D., Pribyl'skii, I. (1974) *Tobolsk* [Tobolsk]. Sverdlovsk: Sredneuralskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Melnikova, E.A. (2023) Intelligentisiia kak sobytie: valaamskoe nasledie i ego khraniteli v pozdnem SSSR [Intelligentsia as event: Valaam legacy and its keepers in late USSR]. *Ab imperio*, (1), pp. 181–221. <https://doi.org/10.1353/imp.2023.0013>

- Okladnikov, A.P. (1968, March 17) Priobschenie k proshlomu [Accession to the past]. *Nedelia*, p. 5.
- Polischuk, V. (1987, July) Dobraia volia goroda [City goodwill]. *Tobolskaia pravda*, 77, p. 3.
- Polischuk, V.I. (2005) Dobraia "Dobraia volia" ["Good will"]. In V.R. Smirnova (Ed.), *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': kraevedcheskie zapiski. Vypusk 7*. Ekaterinburg: Media-Kholding "Ural'skii rabochii.", pp. 219–222.
- Rasputin V. (2000) Tobolsk [Tobolsk]. *Sibir', Sibir'*, pp. 35–62.
- Salmela, M., Capelos, T. (2021) Resentiment: a complex emotion or an emotional mechanism of psychic defense? *Politics and Governance*, 9(3), pp. 191–203.
- Shumilkin, A.S. (2021) *Konceptsiia restavratsii arkhitektronnogo naslediiia v Rossii XX-nachala XXI vv.* [Concept of restoration of architectural heritage in Russia at the turn of the century]. Nizhnyi Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi arkhitektorno-stroitel'nyi universitet.
- Stroika, stavshaia sud'boiu. 30-letiiu nachala stroitel'stva Tobolskogo neftekhimicheskogo kompleksa posviashchaetsia* (2004) [Commemorating the 30-year anniversary of the beginning of construction of the Tobolsk oil chemical complex]. Compiled by V. Gorokhov. Tobolsk: Basko.
- Stroitel'stvo novogo goroda – delo vseh toboliakov. (1976, June) *Tobolskaia pravda*, 116, p. 2.
- Toboliakov, V. (n.d.) *Pis'ma Toboliakam* [Letters to citizens of Tobolsk]. Available at: http://www.kulturatob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=484:2014-03-13-06-28-20&catid=19:2013-02-09-04-52-53
- Tumanik, A.G., Tumanik, G.N. (2019) Poisk kontseptsii gradostroitel'nogo razvitiia drevnei sibirskoi stolitsy (Tobolsk) [Searching for urban development concept of the ancient capital of Siberia (Tobolsk)]. *Balandinskie chteniia*. Vol. XIV, pp. 310–320. <https://doi.org/10.24411/9999-001A-2019-10097>
- Zavarihin S.P. (1987) *V drevnem centre Sibiri* [In the ancient center of Siberia]. Moscow: Iskusstvo.
- Vialkov P. (2025) "Spasti staryi Tobolsk": resentment v gorodskom diskurse byvshey sibirskoy stolitsy (vtoraya polovina 1970-kh – 1990-e gg.) ["Save Old Tobolsk": Resentment in the Urban Discourse of the Former Siberian Capital (Late 1970s – 1990s)]. Unpublished master's dissertation / Tyumen State University, Institute of Humanities; supervisor I. Stas'; Tyumen.

Сведения об авторе:

КЛЮЕВА Вера Павловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (Тюмень, Россия). E-mail: vormpk@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vera P. Klueva, Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vormpk@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15 июля 2025;
принята к публикации 8 августа 2025.*

*The article was submitted 15.07.2025;
accepted for publication 08.08.2025.*